

НАРОД ДОЛЖЕН ИМЕТЬ СВОИ СВЯТЫНИ

Ныне совершилось чрезвычайно важное в нашей духовной жизни. Религию никто уже не противопоставляет культуре. Культура рождалась в недрах религии и была тысячелетиями с нею связана. Культура никогда не устаревает и всегда современна — современна в широком смысле этого слова, как современна и красота. Современна и та культура, которая жила и живет в религии. И это независимо от того, верующий или неверующий человек, причисляющий себя к числу культурных. Мы ведь все неверующие по отношению к египетской религии или к религии античности. Но значит ли это, что, изучая культуру Египта и античности, особенно их искусство, мы от своего «неверия» меньше их ценим? Более того, изучая искусство античности или Египта, мы не можем игнорировать сами верования, их храмовые действия или язык, на котором эти религии существовали.

Поэтому знание богослужения, знание церковнославянского языка или арабской письменности и пр. обязательно для серьезного искусствоведа, изучающего искусство того или иного народа нашей страны.

Понятно, что чисто музейного ознакомления с религиозными культурами явно недостаточно как для верующего, так и для неверующего. Впрочем, говорят, что крупнейший русский египтолог академик Б. А. Тураев верил в египетских богов. Я, впрочем, в этом сомневаюсь: уж слишком тесно связана религия Древнего Египта с египетской землей и ее историческими событиями.

Вот почему каждого культурного человека, независимо от его верований, крайне возмущает ужасающее состояние тысячи отечественных храмов. Древние культуры нашей страны для нас святыня. И опять-таки

скажу — все равно, верующие ли мы или атеисты. В какой-то мере мы все верующие: мы верим в культуру, в ее бессмертные ценности.

Поэтому многие деятели нашей культуры — и я в их числе — подписали письмо-обращение, напечатанное недавно в «Литературной газете», о возвращении памятников церкви церковным организациям. Обращение короткое, а потому требующее разъяснений, дабы не воспользовались им люди, руководствующиеся только крайними решениями и не заботящиеся о сохранности и доступности памятников. Это заставляет меня объяснить свою позицию в этом очень сложном вопросе и обратиться ко всем с просьбой серьезно обсудить его в печати.

Храмы, молитвенные дома и монастыри, используемые не по своему назначению и не являющиеся музеями, безусловно, должны быть возвращены религиозным организациям — христианским, мусульманским, иудейским, буддийским. Но только по требованию верующих и церкви. Я не могу себе представить, что тысячи храмов, которые уничтожались семьдесят лет, переданные церкви в их полуразрушенном состоянии, могли бы быть сразу ею восстановлены. Эта единовременная передача повела бы к еще большему их разрушению. Следовательно, передавать необходимо, но только по требованию верующих и с их обязательством восстанавливать наши религиозные святыни и хранить.

Храмы и монастыри, в которых организованы достаточно серьезные музеи, не оскорбляющие при этом религиозных чувств верующих, могут оставаться за музеями, под их наблюдением, но я допускаю, что в них могут совершаться религиозные службы — постоянно или время от времени, как это делается во многих храмах мира (Сан-Марко в Венеции, Нотр-Дам в Париже и т. д.). Ежедневная служба совсем не обязательна. Вспомним, что в новгородской церкви Николы на Липне конца XIII в. служба совершалась раз в году, во всемирно известной церкви Покрова на Нерли — два раза в год и т. д. Думаю, что такое двойное использование храмов не повредит им, а в иных случаях даже улучшит их содержание. Во всяком случае, алтарь Успенского

собора в Московском Кремле перестанет использоваться как своего рода кладовая. Но надо проявить крайнюю осторожность, если будут совершаться службы в церкви Василия Блаженного на Красной площади. Храм этот был построен как памятник, помещения в нем очень тесные. Служба в нем привлечет тысячи любопытствующих. Думаю, что там могли бы совершаться только заупокойные службы по жертвам небоснованных репрессий.

Что касается икон и церковной утвари, находящихся в настоящее время в музеях, и особо ценных книг в наших библиотеках, то передача их может совершаться в исключительных случаях и, разумеется, с согласия библиотек и музеев, где они хранятся.

Необходимо понять, что всякого рода преобразования музеев, их разделение или слияние, как правило, нарушают сложившуюся систему, ведут к пропаже вещей и к путанице, особенно если исследователи ищут необходимую им вещь по ссылкам в научной литературе, по сложившимся каталогам и картотекам. Я решительно против того, чтобы иконы, требующие внимательного наблюдения реставраторов, исследователей и специального режима хранения, под влиянием момента, по сиюминутным соображениям передавались церкви. Передача в музей церковных произведений и икон совершилась всегда и во всех странах. Вспомните, что итальянская живопись на дереве XIII—XIV вв. (так называемая «византизирующая») — это иконы. Часть своих церковных ценностей католическая церковь держит не в храмах, а в Музее Ватикана... Примеров можно было бы найти тысячи. Приведу русские примеры.

С середины XIX в. существовал Музей Академии художеств, называвшийся Христианским Музеем, или Музеем православного иконописания. Хранители музея А. М. Горностаев и В. А. Прохоров способствовали собиранию предметов древности из новгородских монастырей и церковных хранилищ: амвон 1533 г., фигуры «старцев» — скульптурные изображения, снятые с крышек рак. И это с разрешения просвещенных церковных властей. Было много и частных собирателей, особенно среди иконописцев и реставраторов. Когда был открыт

Музей Александра III, то в нем сразу было создано отделение христианских древностей. Частные лица, религиозные организации продавали и дарили музею иконы и церковную утварь.

В начале века (1901 г.) В. В. Суслов жертвует деревянную резьбу, в том числе огромный киот — «сень» из Романова-Борисоглебска (ныне Тутаев на Волге). Лучшие иконы Русского музея происходят из собрания академика Н. П. Лихачева. В него входили 1431 икона и 34 произведения прикладного искусства (по примерной оценке того времени, стоимостью 300 тысяч золотых рублей). Археологические комиссии, общества и институты способствовали приобретению церковной «старины». В 1909 г. академик Н. П. Кондаков подарил Музею Александра III (будущему Русскому музею) коллекцию ценнейших икон. Художник П. И. Нерадовский в 1909 г. работал хранителем художественного отдела музея, а затем его заведующим. Он собирал коллекцию церковных вещей, устраивал поездки по древнерусским городам и монастырям. В 1910 г. ездил в Иосифо-Волоколамский монастырь и после переговоров с церковными властями в 1912 г. привез в музей предметы, которые не могли служить «по ветхости» монастырю: иконы, церковную утварь, хоругвь, пелены, два покрова на гробницу Иосифа Волоцкого.

16 мая 1913 г. Николай II и сопровождавший его искусствовед Георгиевский посетили Покровский Сузdalский монастырь. Они обратили внимание на обветшавшие келейные иконы монахинь, постриженных в монастыре. В результате переговоров в 1914 г. в Музей Александра III, несмотря на трудности военного времени, были привезены 43 иконы. С двух икон монахини попросили снять копии. И это было сделано. 7 августа 1912 г. П. И. Нерадовский привез несколько произведений из Благовещенского собора в Муроме. Николай II отпускал из личных средств деньги на приобретение икон для музея.

Что же нам прикажете, «быть святыми самого папы»? Это я спрашиваю тех, кто, не вдумываясь в суть проблемы, требует: «церковное — в церковь».

Я не перечисляю, сколько было спасено церковных ценностей во время закрытия церквей и монастырей в 20-е годы нашего века! Совершенно бесценные иконы

и произведения искусства были спасены экспедициями И. Э. Грабаря и многими другими. Кирилло-Белозерский монастырь был закрыт в самом начале 20-х годов. В 1923 г. из него было вывезено несколько икон в музеи. А собственный музей в монастыре открылся только в 1924 г.

Если речь идет о передаче икон в церковь, то в равных условиях находятся и церковные рукописи XI—XIX вв. В чем различие? Значит, и Остромирово Евангелие, и Мстиславово Евангелие, и Архангельское Евангелие передавать церкви? И с ними тысячи и тысячи памятников самой книжной из культур мира — культуры Древней Руси? Значит, ошибался митрополит Евгений Болховитинов, а с ним и другие церковные деятели и исследователи и целые учреждения (например, императорская Археологическая комиссия), когда вывозили из монастырей и церквей древние, наиболее ценные книги? А ведь иконы — это тоже книги, которые необходимо не только выставлять, а изучать, «читать». Недаром в иконах усматривается «умозрение в красках».

Другое дело, что необходимо прекратить кощунственную продажу икон за границу, да еще снабжая вывозимые иконы документами от Министерства культуры СССР, в которых удостоверяется: «икона XVII века — к вывозу разрешена!» И из таможен необходимо передавать отбираемые иконы именно церкви. И на аукционы в другие страны не вывозить. Несколько лет назад нашей страной был устроен аукцион икон в Греции, сильно подорвавший репутацию СССР как культурной державы.

Как быть с иконами, почитаемыми верующими как чудотворные? Многие из них были спасены музеями, как, например, икона Троицы из Троице-Сергиевой лавры, одно время закрытой и разоренной. Иконы Владимирская, Донская, «Троица» Андрея Рублева прежде всего должны быть достойно выставлены в новом здании Третьяковской галереи. Недопустимо помещать их в общем ряду очень тесной экспозиции. И вообще, как можно закрывать на длительный ремонт музей, не выставляя для широкого обозрения основные святыни русского искусства, не только церковного? Ведь надо было подумать, что на русской живописи люди воспитываются, а на ее шедеврах особенно!

Говорят, надо раздать запасники крупнейших музеев в музеи нашей периферии. Периферию, конечно, необходимо укреплять, но надо, чтобы на периферии были условия для безопасного хранения произведений искусства, необходимо, чтобы они были широко доступны для изучения. Большое число посетителей музеев, протестуя против хранения произведений искусства в запасниках, слабо представляют себе, что такое запасники таких музеев, как Третьяковская галерея или Русский музей, Эрмитаж и пр. Предполагают, что это только хранилища — вроде складов. Между тем в запасниках есть и свои выставки для специалистов, ведется научная работа, произведения из запасников постоянно используются для временных выставок, чрезвычайно важных для культурной жизни самых разных городов нашей страны. Хотя я против излишнего увлечения наших музеев выставками за рубежом, для которых берутся и вещи из экспозиции. Каждое исчезновение, пусть временное, вещей из экспозиции — это урон воспитательной работе музеев. Страна, которая так нуждается в подъеме культуры своего народа, должна делать все возможное, чтобы максимально использовать силу воздействия искусства. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы лишить народ хотя бы на время его религиозных ценностей. Согласен, что есть музеи, как, например, Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР, запасники которого в очень плохом состоянии, и часть его вещей (преимущественно икон) могла бы быть передана при соответствующей экспертизе церкви. Но это только мое предположение, даже не предложение.

Повторяю, музеи «дышат» выставками. Выставки составляют важную часть духовной жизни наших городов.

Еще один вопрос, который крепко связан с проблемой передачи ценностей из музеев и библиотек. А кто, собственно, является хозяином этих ценностей?

Сейчас некоторые музеи и библиотеки, а также министерства рассматривают национальные святыни как свою собственность, распоряжаются их судьбой, никого не спрашивая. Распоряжаются всем этим богат-

ством «трудовые коллективы», создаются совместные с иностранными фирмами предприятия для извлечения прибылей.

Разумеется, это совершенно недопустимо. И никакое министерство, никакая Академия наук не вправе принимать роковые для наших национальных ценностей решения. И даже не просто национальных, а ценностей, принадлежащих человечеству.

Бесконтрольное распоряжение судьбой памятников культуры общечеловеческого значения характерно не только для нашей страны, хотя здесь мы побили, кажется, все рекорды. Надо понять, что культура принадлежит всему человечеству, как принадлежат ему атмосфера планеты, моря и океаны. Культура омывает и очищает мир. Нельзя реставрировать бесконтрольно произведение французской живописи, не считаясь с мнением французских искусствоведов. Нельзя решать вопрос о принадлежащих всему человечеству Кижах, не создавая совета всех реставраторов деревянного зодчества, в том числе из Канады, Финляндии, Норвегии и т. д. Пора подумать о выработке всемирного морального кодекса «держателей» памятников культуры. Он будет касаться «трудовых коллективов» музеев, коллекционеров, мэрий городов, министерств и правительства. Мы не можем отменить право юридической собственности, но мы можем воздействовать на совесть собственников, подвергнуть недостойных держателей моральному ostrакизму. Этот вопрос я дваждыставил перед главой ЮНЕСКО Федериком Майором. Я предлагал создание постоянно действующей консультации по вопросам моральной ответственности держателей культурных ценностей.

Надо твердо помнить: музейные, архивные работники, библиотечные дирекции — не собственники хранимых ими ценностей, а министерства и исполкомы — тем более.

Еще один сюжет для размышлений. В подавляющем большинстве случаев церкви строились на народные деньги. Даже если деньги давала церковь — она была только передатчиком средств. Народ жертвовал иногда свои последние трудовые гроши на построение

храма. Сборщики средств отказывали себе во всем, проходили, собирая деньги, иногда сотни верст. И если музей владеет церковью, достойно хранит ее — он владеет ею во славу народного искусства, народного трудолюбия, народной веры, наконец! И следует заботиться только, чтобы музей невольно не осквернял церковь, не осквернял алтарь, чтобы время от времени, как это бывало и в Древней Руси, в ней совершились богослужения.

За чей счет следует делать реставрацию храма при передаче его церкви? Ясно, что в первую очередь за счет тех, кто им временно владел. Но и за счет государства. И за счет верующих. Именно так в Ленинграде обстоит дело с главной мечетью города.

Вопрос о передаче верующим церковных зданий — вопрос очень большой, срочный, и в случаях бесспорных с его решением нельзя медлить. Народ должен иметь свои святыни — религиозные, культурные, природные... Но последний вопрос — о замечательных природных ландшафтах, с которыми также связано воспитание нравственности и культуры, — должен быть поднят особо. Мне хочется только напомнить о том, что и его следует как можно скорее решать.

1990